

Европейский Союз в размышлениях о новой стратегии

Уважаемые читатели! Вышел в свет новый 81-й номер интернет-журнала «Вся Европа», издаваемого Европейским учебным институтом, выпущенный, уже по традиции, в содружестве с российско-люксембургским журналом «Альянс». В нем, как и во всех предыдущих, рассказывается о происходящем в Европейском Союзе и отношениях между Россией и ЕС. Анализируются последние события и новейшие тенденции в политической, экономической, социальной и культурной жизни и правоприменительной практике ЕС и его государств-членов, интересные для российского читателя. От предыдущих его серьезно отличает то, что в нем появилось больше материалов о Великом Герцогстве и финансово-экономических проблемах, волнующих наш континент, ведь с позиций этого финансового центра Европы о них можно писать выпуклее и нагляднее.

Мировые СМИ переполнены репортажами о двух ярчайших международных событиях, произошедших под занавес уходящего года. Событие №1 – представителям пятерки постоянных членов ООН и Германии удалось выйти на временные договоренности с Ираном по его ядерной программе. Событие №2 – руководство Украины приняло решение о приостановке работы над соглашением об ассоциации с ЕС. Оба они подаются, что уже давно стало визитной карточкой западных СМИ, однобоко, претенциозно и упрощенно.

Договоренности с Ираном описываются как победа западной дипломатии, успешность политики санкций и результат последовательности усилий США и ЕС[1]. В действительности почти целое десятилетие Тегеран пытались изолировать, запугать, принудить пойти на уступки. Как только в его отношении проявили разумную гибкость, стали работать в режиме взаимных компромиссов, наступил перелом. В основу договоренности по большей части лег план С.В.Лаврова, продвигавшийся Россией на протяжении всех последних лет.

О решении руководства Украины пишут исключительно в стилистике «холодной войны», как о результате грубого давления и шантажа со стороны Москвы, предрекая дальнейшее усиление конфронтационной составляющей в отношениях между ЕС и Россией[2]. И это вместо того, чтобы попытаться хотя бы мало-мальски разобраться в произошедшем. Вместо того чтобы увидеть те возможности, которые открываются теперь для того, чтобы все три стороны – Украина, Россия и ЕС смогли отыскать алгоритм сближения, который бы на деле и без обмана открывал перспективу стабильного поступательного взаимовыгодного развития континента.

Получается, что западное общество на регулярной основе, изо дня в день вводится в заблуждение. Его заставляют жить, думать и чувствовать представлениями прошлого. Ему не дают окунуться в объективную реальность, разобраться в том, что происходит на самом деле. Культивируют инерционность сознания и восприятия. Дабы оно ни в коем случае не вырвалось из цепких лап традиционных клише и предубеждений, насаждавшихся здесь с конца Второй мировой войны.

Подобные установки наносят колоссальный ущерб всем. Самому западному обществу, не давая ему в должной степени задуматься об объективных тенденциях развития своего собственного

социума и окружающего мира. Его потенциальным партнерам и друзьям, которые по привычке мажутся грязным черным цветом, вне зависимости от того, заслуживают они этого или нет. Всеми международному сообществу, в отношении которого западные страны давно утратили истинное лидерство и теперь пытаются компенсировать его силовыми и любыми другими имеющимися в его распоряжении средствами.

И это сейчас, когда так востребован добросовестный серьезный анализ. Когда так нужна новая, честная, порядочная парадигма будущего мироустройства. Осознание этого медленно, но верно пробивает себе дорогу. Задурить голову общественному мнению и его авангарду – экспертному сообществу с былой легкостью уже не получается. Глобальный кризис и кризис суверенной задолженности внес свои коррективы. Окружающая реальность слишком сильно изменилась. Фрагменты этой реальности с фотографической чистотой даются, как и раньше, на страницах нового выпуска журнала.

Когда рассказывается о консолидации популистских, крайне правых и антиинтеграционных сил на европейском пространстве (материалы «Положено начало консолидации антиинтеграционных сил» и «Антиевропейцы наступают?» из рубрик «Тенденции и прогнозы» и «Комментарий»). Разбираются причины политической нестабильности в отдельных государствах-членах ЕС («Болгария: наступление студентов» и «Чехия: выборы позади, выборы впереди?» из рубрики «Дневник событий»).

Анализируются экономическая ситуация в условно периферийных странах ЕС, реакция на нее Европейского центрального банка и отношение к экономической политике ЕС населения Германии и Дании («Риторика изменилась, но успехов не видно», «Испания и Ирландия покидают «программу финансового спасения», «Испания: пострадали пенсионеры», «Пространство для маневра ЕЦБ еще не исчерпано», «Немцы считают антикризисную политику ЕС ужасающей», «Что датчанам не нравится в ЕС»). Соответствующие статьи и зарисовки включены в близкие по духу рубрики «Экономика», «Финансы и банки», «В фокусе», «Валюта» и «Проблема».

Высказываются предположения о возможных ответных мерах европейцев на шпионскую деятельность США в Интернете («Меркель, говорите громче, вас подслушивают!», «Фундамент для общеевропейской спецслужбы уже есть» и «Рединг требует создания европейской спецслужбы» из рубрик «В фокусе», «Взгляд из Брюсселя» и «Полемика и скандалы») и т.д.

Все эти фрагменты складываются в ту самую картину, которая и ЕС, и его лидеров заставляет приступить к страшно тяжелой, неблагодарной, но необходимой работе по переосмыслению реальности. В это трудно поверить, но это так. Руководство Европейского Союза расстается с железобетонной позицией, согласно которой оно всегда право. Все знает. Все и всегда делает правильно и вовремя. Является светочем для всех и вся. Отныне оно готово прислушиваться к критике. И даже, если потребуется, корректировать проводившийся до сих пор политический курс. Менять экономические ориентиры. Задавать экзистенциалистские вопросы и даже, возможно, прислушиваться к ответам.

ЕС запускает внутривнутриполитические дебаты для того, чтобы посоветоваться с экспертным сообществом, со специалистами, со всеми теми, кто может дать дельный совет. Цель, только вслушайтесь (!), – возродить европейскую идею. Вернуть людям веру в европейский проект.

Придать европейской интеграции былую притягательность. Посмотреть, как нужно дальше обустраивать европейское пространство. Как строить отношения внутри ЕС. Между ЕС и населением Европы. Между ЕС и государствами-членами. Определить, чем и как можно в новых условиях побудить избирателей голосовать за евроэнтузиастов.

Об этом председатель Европейской Комиссии Мануэл Баррозу сообщил огромной армии ведущих политологов, экономистов, юристов и социологов, съехавшихся со всего света на ежегодную конференцию заведующих кафедрами и центрами Жана Моне, состоявшуюся в Брюсселе 14-15 ноября 2013 г. Ее участниками, как общее правило, являются представители больших коллективов исследователей, ассоциаций, мозговых центров, специализирующихся на изучении различных аспектов и ипостасей региональной интеграции.

До сих пор все такого рода встречи проводились по единому сценарию. Председатель Европейской Комиссии и кто-то из комиссаров, поддерживаемые солидной выборкой докладчиков, особенно преданных европейской идее, разъясняли рядовым массам ученых, какой ЕС замечательный, передовой, лучезарный. Что он делает для своих народов и народов всего мира. На каких направлениях сосредоточены основные усилия. Само собой подразумевалось, что полученные таким образом установки далее транслируются во все страты общества. Они закрепляются в тысячах и десятках тысяч статей, книг и докладов, публикуемых и продаваемых повсюду. Подкрепляются верноподданнической аргументацией. Расцветаются. Разукрашиваются. Популяризируются.

Разброс мнений допускался в очень ограниченных пределах. Он считался позволительным только в отношении деталей, второстепенных или третьестепенных вещей. Инакомыслие преследовалось на корню. Причем самым эффективным путем. Через внутреннюю самоцензуру. Через внутреннюю убежденность в незыблемости некоторого набора базовых представлений. Проще сказать, клише и графаретов. Стоило тебе что-то поставить под сомнение, попытаться высказать какие-то нетрадиционные идеи, от тебя просто со страхом отходили. Принято было строго придерживаться мейнстрима.

Приверженность мейнстриму усиленно поощрялась. Один из важнейших инструментов, использовавшихся для сохранения единомыслия и внутренней самоцензуры, состоял в таком распределении грантов и жестком контроле за отчетностью, при котором критиковать ЕС и проводимую им политику или акцентировать внимание на дисфункциях становилось самоубийственным. Действовало негласное правило: получаешь деньги - хвали; хочешь их получить - хвали; надеешься присосаться к кормушке - не забывай, что от тебя требуется. Специальное исследование, о результатах которого вскользь сообщила только ведущая газета деловых кругов «Файнэншл Таймс», убедительно показало, что в научных докладах, заказывавшихся до сих пор Европейской Комиссией, никогда не предлагались альтернативы. Неизменно поддерживалось то, что ею делается.

Обращение к научному миру запустить дискуссию - подлинная смена вех. Землетрясение в мире ЕС. Революция. Это с одной стороны. С другой - признание того, что скрывать плачевное положение, в котором оказалась европейская интеграция, руководство ЕС уже больше не в состоянии. Научное сообщество не может рассматриваться им, как в прошлом, лишь в качестве коллективного пропагандиста и проводника его идей. Электорат им верит все в меньшей и в меньшей степени. Они не выдерживают проверку практикой. Ему нужны иные подходы,

серьезная реалистичная наука, концепции, призванные дать ответы на все те вызовы, с которыми столкнулись страны ЕС и интеграционное объединение в целом вследствие кризиса суверенной задолженности и фронтального проведения политики жесткой экономии.

Поиски новых парадигм, на самом деле, начались уже давно. Европейская Комиссия оплатила исследования, призванные подсказать Брюсселю, что из опыта стремительного развития стран БРИКС он мог бы заимствовать. В структурах ЕС созданы советы экспертов разного уровня. Перед ними поставлены принципиально новые задачи. Отдельные политики стали пробрасывать пробные шары относительно созыва нового Конвента о будущем ЕС, возвращении к прежним методам назначения депутатов в Европейский Парламент и т.д. Летом 2013 г. создана смешанная группа экспертов и политиков с меняющимся членским составом (до 30 чел.), на которую возложена миссия предложить новое видение европейской интеграции. Они путешествуют по Европе, встречаются с главами государств и правительств и ведущими политиками (такими, как, например, премьер-министры Польши и Италии Дональд Францишек Туск и Энрико Летта), накачивают интеллектуальные мускулы. Пока, правда, без видимого результата.

Но все это детские шалости по сравнению с обращением ко всей мировой сети европеистов, к представителям национальных исследовательских школ, к всемирной ассоциации изучения Европейского Союза с просьбой подсказать и научить, в каком направлении ЕС дальше идти, что делать для преодоления внутренних дисбалансов, для демократизации интеграционного объединения, возвращения доверия к европейскому проекту. Такое обращение объясняется осознанием глубины проблем, с которыми столкнулись страны ЕС, и нарастающим страхом элит перед лицом стремительного роста протестных настроений, под влиянием которых пройдут предстоящие выборы в Европейский Парламент. Что ими и не скрывается[3].

Наверное, последний резон - наиболее существенный. Народы европейских стран, подчеркивалось многими участниками ежегодного собрания, ополчились на ЕС. Они разочарованы. Возмущены. Связывают все тяготы, свалившиеся на них, с Брюсселем, с безымянными бюрократами ЕС, сидящими в высоких, недосягаемых кабинетах, которым плевать на судьбу маленького человека. Они уверены: эти неведомые некто передвигают фигуры на шахматной доске мира, руководствуясь интересами и амбициями, не имеющими ничего общего с его чаяниями[4].

Тяготы чудовищные. Самая страшная из них - безработица. Ей охвачена значительная часть населения, прежде всего периферийных регионов ЕС. Больше всего от нее страдает молодежь. Вступить в самостоятельную жизнь для юношей и девушек оказывается все сложнее[5]. Многие уезжают. А ведь это еще только полбеда. Жизнь на глазах становится более скудной. Урезается все - зарплаты, пенсии, социальные программы, траты на образование. Страдают инфраструктурные и социальные проекты. Снижается покупательная способность населения. Коктейль сам по себе жуткий. Но его еще нужно помножить на утрату жизненных ориентиров, дискомфорт от меняющегося стиля жизни в информационную эру, неверие в то, что в будущем станет легче и лучше.

Эти настроения тонко ухватили популистские и крайне правые партии. На это прямо указывают многие нынешние лидеры ЕС и государств-членов[6]. Они спекулируют ими. Они позиционируют себя в качестве единственных защитников интересов, прав и чаяний народа.

Они бросают вызов классическим партиям и государственным структурам. Тем более эффективно, что именно на последние возлагается ответственность за все то негативное, что вынуждены терпеть простые люди[7]. Доверие к ним падает. Возврат к лучшей жизни, к обновлению, к радикальному отходу от политики предшествующего периода с ними больше не связывается.

Руководству ЕС и государств-членов надо переломить ситуацию. Развернуть тренд. Первый шаг в этом направлении - понять истоки кризиса. Дать объяснение тому, что происходит. В чем кроется причина неудач, которыми сопровождается осуществление нынешнего политического курса. Способен ли он парировать те вызовы, перед которыми ранее спасовали ЕС и его государства-члены. Следующий шаг - предложить новые рецепты. Обосновать такую политику, лучше стратегию, которые способны вернуть ЕС мировую конкурентоспособность. Придать интеграционному проекту былую динамику. В принципе, если разобраться - это те же сакраментальные «кто виноват и что делать?», которые преследуют российский истеблишмент на протяжении всех последних веков, какие бы тектонические сдвиги внутри и вокруг не происходили.

Давайте вместе посмотрим на то, в каком ключе их готовы обсуждать в изменившихся условиях экспертные круги Европейского Союза. Сначала диагноз. Проблема №1. О том, что происходит, в ЕС говорят, пишут и рассуждают в абсолютно неверной стилистике, подчеркивали собравшиеся на ежегодную конференцию Жана Моне. Если руководство ЕС и государств-членов и дальше собираются обманывать себя и народы европейских стран, они могут по-прежнему рассуждать о бюджетно-финансовом кризисе. Кризисе суверенной задолженности. Необходимости скорейшей достройки банковского союза. Большем контроле за самоуправством отдельных правительств. Приведении институтов ЕС в соответствие с потребностями посткризисного развития. Свете в конце туннеля. Выходе из рецессии. Кстати, весьма сомнительном[8].

Все это болтовня. Смещение прицела. Пыль в глаза. На самом деле, ЕС переживает системный кризис. Именно системный, а не какой-либо иной, связанный с отдельными аспектами функционирования ЕС. Он охватил все стороны жизни общества. Он затрагивает всех и вся. Это кризис политики, экономики, социального устройства общества, кризис самоидентификации. Поэтому анализировать его нужно во взаимосвязи всех тех элементов, из которых он складывается. И выход нужно предлагать тоже системный. Иначе не выйдет. Иначе уже не получится.

Причем, системный кризис носит чрезвычайно глубокий характер. Он намного свирепее всего того, что ЕС переживал в прошлом. Он страшнее всего того, против чего европейским странам удавалось находить противоядие в послевоенный период. Соответственно и лечение должно быть намного более методичным, последовательным и решительным.

Проблема №2. Кризис расколел ЕС. Единого правового, экономического, политического, гуманитарного пространства более не существует. Если оно вообще существовало в прошлом. Грубо говоря, интеграционное объединение теперь складывается из благополучного Севера и отчаявшегося Юга. Некоторые утверждают, что из Центра и Периферии. Какой терминологии придерживаться, не так важно. Главное - все предпринимаемые меры оказывают на участников интеграционного процесса разное действие.

В Германии, скандинавских странах, некоторых других они встречаются обществом с пониманием. Отдача от них, может и не такая высокая, но вполне ожидаемая и предсказуемая. В периферийных странах – встречается в штыки, и зачастую имеют обратное действие, если под ним понимать неприемлемо тяжелые побочные явления для общества.

Объясняется это, казалось бы, странное противоречие, очень просто. Страны ЕС – и это после полувековой истории интеграции (!) – находятся на разных этапах экономического развития. У них разные типы экономики. Их бы отпустить в свободное плавание. Дать возможность провести девальвацию национальной валюты и/или осуществить любые другие традиционные меры преодоления циклического кризиса. А их душат в общей обойме, сковывая по рукам и ногам.

В ЕС не сформировалось общей экономики. Разрыв между регионами очень велик. В таких условиях проводить единую экономическую политику, на самом деле, невозможно. Пагубно. Самоубийственно. Однако это именно то, чем занимается ЕС. На практике получается сизифов труд. В одном месте, в частности, в Германии, прибавляется. В других местах – на Кипре, в Греции, Италии, Испании, Франции и далее по списку – отнимается.

Необходима индивидуализированная, разная, десинхронизированная экономическая политика. ЕС против этого ожесточенно боролся и продолжает бороться. В последнее время лидеры ЕС и государств-членов бьют себя в грудь. Они утверждают, что ЕС как раз и приступил к индивидуализации проводимой политики применительно к каждой отдельной стране. Европейская Комиссия, получив соответствующие полномочия, проверяет бюджетные намерения всех государств-членов и по каждой дает свои рекомендации. По их получении все страны вносят необходимые коррективы. Фактически без разрешения ЕС проекты национальных бюджетов уже более не могут становиться окончательными документами и утверждаться в качестве закона.

Но это фигура умолчания. Европейская Комиссия по-прежнему всех стрижет под одну гребенку, заставляя придерживаться одинаковых ориентиров. Они то и должны быть разными.

Проблема №3. Реформы, необходимые для преодоления системного кризиса, нужно осуществлять не завтра, послезавтра или когда-нибудь в будущем, а сегодня. Желательно, конечно, было запустить их еще вчера. Не удалось. Непонятно было или, напротив, слишком понятно, что нужно делать. Теперь действовать надо в срочном порядке.

Ощущение срочности висит в воздухе. Тяготы кризиса выносить все труднее и труднее. Если не поспешить, цена промедления может выйти неподъемной. Как бы не оказалось слишком поздно. Итак ЕС и государства-члены чересчур долго раскачивались. И когда надо было спасти Грецию. И когда потребовалось приходить на помощь другим странам. И когда выяснилось, что побочные эффекты от проведения политики жесткой экономии по своим разрушительным последствиям намного превосходят тот выигрыш, который она дает[9]. Или им кажется, что она дает[10].

Дело даже не в том, что запаздывая с принятием назревших решений, ЕС и государства-члены создают себе дополнительные трудности. Груз проблем становится тяжелее. Осуществление отложенных решений – еще более болезненным. Дело в другом. Пока они раздумывают, другие

уходят вперед. Эти другие – не кто-нибудь. В их числе – США, Китай, Япония, Россия, все быстро растущие экономики. Иначе говоря, все реальные и потенциальные конкуренты ЕС.

Руководство интеграционного объединения пытается делать хорошую мину при плохой игре. Оно утверждает: «Нет, это не ЕС становится слабее. Это другие усиливаются». Не надо играть словами. Всем же очевидно, что Европа утрачивает былые позиции. На таком фоне цена ошибок, неверно сформулированной политики и затягивания с принятием окончательных решений только возрастает. Сколько времени было упущено из-за Германии. Все тихонечко сидели, дожидаясь результатов выборов. Чтобы, не дай Бог, на них не повлиять, и не вызвать раздражение рядового немца. Потом дожидались утверждения единой политической платформы Большой коалиции. Ладно, тогда подобные затяжки хоть как-то можно было объяснить. Сейчас-то их оправдать вообще нечем.

Проблема №4. Главной экзистенциональной проблемой для ЕС является зашкаливающая безработица. Как выкрикивали люди из зала, такого на памяти нынешнего поколения никогда не было. Даже близко. Надо плюнуть на все другое. Нужно прекратить балаган. Все второстепенные вопросы – отложить на потом. Сейчас только борьба с безработицей имеет значение. Она должна занять центральное место в набирающей обороты политической дискуссии.

Статистика удручающая. Безработица достигла сумасшедших масштабов. Она приняла абсолютно недопустимый размах. Безработица рвет социальную ткань общества. Она разрушает современное государство. Целый пласты общества, целые поколения оказываются по своему статусу, мировоззрению, отношению к жизни деклассированными элементами. Нынешняя безработица слишком для многих закрывает горизонты. Перечеркивает будущее. Она ломает людей. Наносит им непоправимую психологическую травму. Заставляет опускать руки. Именно она, а не что-то другое, бросает их в объятия популистов и крайне правых.

Но ЕС занимается чем угодно, кроме этой главной проблемы. Брюссель с ней фактически смирился. Посмотрите все официальные документы ЕС. В них все нужные, правильные слова. Да толку-то. Фактически интеграционное объединение согласилось на инерционное развитие в этом отношении. На то, что предусматриваемые меры лишь постепенно приведут к рассасыванию безработицы. Она будет оставаться на пике еще несколько лет. Но ведь это недопустимо. Неужели руководству ЕС и государств-членов такую простую истину трудно понять. Если в ближайшее время не будет обеспечено радикальное оздоровление ситуации в данной сфере, европейский проект окончательно утратит свою притягательность. Потерянное будет уже не наверстать.

Характерно, что в такой же стилистике начинают вещать многие мировые СМИ. Об этом буквально вопиют газеты и журналы проблемных стран Европы. Так, в передовицах популярной французской газеты «Монд» раз за разом акцентируется, что решение проблемы безработицы – безусловный национальный приоритет[11].

Проблема №5. В том, что касается безработицы, преимущества многоуровневого управления, которым славится ЕС, оборачиваются своей полной противоположностью. Безработица инкриминируется ЕС. Но ЕС сам ничего поделать не может. ЕС – эвфемизм. ЕС – химера. ЕС – видимость. В его распоряжении всего лишь жалкий 1% совокупного ВВП государств-членов.

Это мизер. Сам по себе ЕС ни на что не способен. Все зависит от национального государства. Все должны делать национальные правительства. У них для этого есть и ресурсы, и инструменты, и полномочия. Но апеллируют-то к Брюсселю. Винят во всем – наднациональные власти.

Это противоречие более общего плана. В восприятии людей все перемешалось. Кто за что отвечает, кто в чем виноват, и кто что может сделать, не очень понятно. Или совсем непонятно. Одно дело, когда раздают награды. Тут пара лишних орденов никого не обидит. В ситуации кризиса картина прямо противоположная. Размывание ответственности усиливает недовольство. Провоцирует его. В отношении национальных властей. Наднациональных институтов. В отношении всех. Негативный эффект неадекватного, слабого, невнятного многоуровневого управления в условиях кризиса учитывается в недостаточной степени.

Проблема №6. ЕС к функционированию в условиях кризиса вообще плохо приспособлен. Да, во времена жирных коров все выглядело благополучно. Регион динамично развивался. В зависимости от меняющихся условий удавалось относительно легко корректировать парадигму проводимого экономического курса. ЕС когда плавно, когда более скачкообразно переходил от одного этапа интеграции к другому. Но ему всегда удавалось выходить сухим из воды благодаря тому, что кризис охватывал только часть региона. Или носил отраслевой характер.

Скажем, скандинавы относительно легко пережили у себя банковский кризис 1990-х годов, провели национализацию, санацию и затем приватизацию быстро, энергично, с выигрышем для себя. Но ведь они могли действовать так успешно только потому, что повсюду вокруг, во всех других странах банковская система чувствовала себя хорошо. Сейчас кризис банковской системы носит универсальный характер. Зашататься и грохнуть может где угодно[12]. С кризисом суверенной задолженности вообще сработал эффект домино.

Или пример Германии в те же 1990-е и затем нулевые годы. Германия надолго стала больным человеком Европы. Проведение структурных реформ блокировалось тем, что противостоящие друг другу политические силы контролировали разные эшелоны властных органов страны. Тем не менее, германской политической элите удалось консолидироваться. Зарплаты были заморожены. Дерегуляция рынка труда – проведена жестко и последовательно. В отношении промышленного производства – использован широкий набор мер позитивного и негативного стимулирования.

Все это сработало. Германия превратилась в наиболее дееспособную и конкурентоспособную экономику Европы. Может быть, судя по экспансии в страны Азии, Африки и Латинской Америки, и колоссальному положительному сальдо внешней торговли, в одну из самых эффективных экономик мира. Но ведь предпринятые меры сработали, и у немцев все получилось потому, что остальные страны региона переживали экономический подъем. Они росли. У них, как казалось на тот момент, все было благополучно. Рынок рос. Это и помогло Германии. Перенастроенный Берлином хозяйственный механизм снял сливки с бума потребления.

Сейчас от периферийных стран ЕС требуют повторения германского подвига. Однако всюду рынок скукоживается. Потребление сокращается. Творить чудеса в таких условиях, тем более, рассчитывать на то, что они получатся, — очевидное ребячество. То, что работает в условиях

растущего рынка, на фоне общего благополучия, дает совершенно иной эффект в условиях падения рынков и системного кризиса[13].

Но фокус-то в том, что ЕС пытается действовать в прежнем ключе. Союз стремится функционировать одинаково. Как тогда, так и сейчас. Это не рационально. Не выходит. В этом одно из объяснений того, почему ЕС начинает пробуксовывать. Принятие решений затягивается. Проявить настоящую солидарность, то есть обобществить долги и поднять отстающие районы, у него не получается. А половинчатая солидарность – слишком горькая пилюля. С одной стороны, она обуславливает то, что отдельным странам ЕС не дают обанкротиться, но по-настоящему поставить их на ноги никто не спешит. С другой – внутри ЕС накапливается ненависть и злоба. Они направлены против тех, кто в условиях кризиса возложил все тяготы на других, сам же нагрел руки. Это и верхушка политического класса, и отдельные богатые страны ЕС.

Однако это только часть того, что можно было бы инкриминировать ЕС. Ему предъявляется и другой счет. Интеграционное объединение не смогло и не захотело ничего сделать для простого народа. Оно полностью провалилось в том, что касается социальной Европы, включая защиту социальных завоеваний трудящихся. Более того, оно попыталось выкарабкаться из кризиса за счет трудового населения, мелкого лавочника, среднего класса. Оно вскрыло свой истинный характер. Оно продемонстрировало, чьи интересы в действительности обслуживает. Оно по сути «кинуло» очень многих из тех, кто на него надеялся. В него верил. На него уповал.

Те, от кого потребовали жертв, связанных с увольнениями, снижением зарплат, пенсий, социальных выплат, ему этого не простят. Таким образом, рост протестных настроений, протестное голосование на выборах, разочарование населения, растущая поддержка популистских и крайне правых партий – прямое следствие дисфункции ЕС.

Проблема №7. Политические системы стран ЕС не приспособлены к работе в условиях затяжного системного кризиса всего региона. Горизонт планирования для властных элит стандартно не превышает четырех лет. Для масштабных, последовательных, внятных преобразований этого слишком мало. Все время приходится действовать с оглядкой на предстоящие выборы. Если предлагаемые меры болезненны – готовиться к потере власти. Хочешь ее сохранить, идешь по пути полумер, замалчивания негатива, закрываешь глаза на глубину кризиса, – жди дальнейшего ухудшения экономического положения, а затем, все равно, утраты власти. Проплыть между Сциллой и Харибдой крайне сложно. Почти невозможно. С этим противоречием столкнулось большинство стран ЕС.

В наиболее обнаженном виде разъяснил дилемму своим «собратьям» по Европейскому Совету технократический премьер-министр Италии Марио Монти накануне проигрыша на парламентских выборах. В открытом послании главам государств и правительств он писал, что предпринимаемые меры по санации экономики принесут плоды только по прошествии какого-то времени. Электорат сумеет оценить правильность проводимого курса только тогда, когда начнется улучшение экономического положения. То есть очень нескоро. А утрачивается доверие и поддержка очень быстро. Ведь предпринимаемые меры болезненны. Они бьют по жизненному уровню. Они вызывают отрицательный эффект сильно и сразу. Из заколдованного круга выскочить невозможно. А политическими камикадзе быть никто не хочет.

Сейчас с этой дилеммой особенно остро сталкивается президент Франции Франсуа Олланд. Что бы он не предпринимал, вызывает отторжение. Никто не хочет жертвовать тем, что у него есть, ради неопределенного завтра. Все рекламируемые им меры оцениваются как крайне спорные. Популярность французского лидера падает день ото дня, хотя, казалось бы, падать дальше уже некуда. Она достигла исторического минимума. Им недовольные все. Причем ругают с прямо противоположных позиций. Одни обвиняют в чрезмерной жесткости. Другие – в недопустимой мягкости, даже мягкотелости. Одни – в том, что он слишком медлит. Другие – в том, что рубит с плеча. И так во всем.

Кто же из европейских лидеров, имея такие примеры перед глазами, зная, что под влиянием недовольства, вызванного проведением политики жесткой экономии в регионе, сменилось уже полторы дюжины правительств, будет проводить политику, полностью адекватную моменту. Да никто. Дальше, как в знаменитой песенке из кинофильма «С легким паром!»: «Думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь».

Проблема №8. ЕС утратил путеводную звезду. У него нет стратегии. Раньше была, а теперь нет. Жить, развиваться, побеждать в отсутствие стратегии невозможно. Только сиюминутными усилиями подпитывать костер интеграции очень сложно. А все, что касается создания бюджетно-фискального, банковского союза и пр., относится к их числу. Это не то, чем можно увлечь массы. Что вызывает интерес. На что разумно делать ставку, борясь за голоса избирателей. Не говоря уже о привлекательности сиюминутных мер для новых поколений, вливающих в самостоятельную жизнь.

Преодолеть вечный раздор между Германией и Францией, построить мирную Европу, заставить в прошлом враждебные политические элиты работать вместе, упразднить границы, объединить континент – все это было чрезвычайно выигрышными, высокими, благородными целями. Они притягивали, завораживали, поднимали людей. Делали их участниками великого проекта. Заставляли гордиться. Верить. Уважать себя. Превращали всех в соратников. Последователей. Зачастую даже в евроэнтузиастов.

Отсутствие стратегии убивает идею, порождает пассивность, неверие. Вынуждает людей искать альтернативу. Ранее ее не было. Теперь она появилась. В прошлом интеграция воспринималась как линейный процесс, хотя ничего линейного в ней не было. Имелось в виду, что страны ЕС будут идти от одной победы к другой, от одного свершения к следующему. Подобные настроения выдохлись.

Альтернатива заключается в движении вспять. В ограничении своеволия Брюсселя. В возвращении национальному государству части суверенных полномочий, которые оно передало наднациональным институтам ЕС. За движение от поступательной к сбалансированной интеграции выступает все более значительная часть населения ЕС. Когорты евроскептиков пополняют отнюдь не только те, кого начинают привлекать популисты и крайне правые. За пересмотр соотношения полномочий между ЕС и государствами-членами выступают все более мощные отряды правящего класса. Причем не только в Великобритании. А вот это уже несколько другая ситуация. Чтобы не растерять поддержку электората, традиционно проевропейские партии, как, например, в Нидерландах[14], корректируют свое отношение к ЕС. Возникает принципиально иной политический расклад.

Значит, задачи выработки новой, ориентированной в будущее, притягательной стратегии, выдвигаются для ЕС на передний план. Вновь, как и на заре интеграции, становится важным, чтобы у ЕС появился горизонт планирования на 5-10-15 лет вперед, и чтобы предложенное им видение будущего устраивало европейский социум. Или задачи создания «новой мечты», как предлагает об этом говорить бывший глава ВТО Паскаль Лами, изготовившийся побороться по итогам выборов в Европейский Парламент весной 2014 г. за кресло будущего председателя Европейской Комиссии или Европейского Совета[15].

Проблема №9. Европейская интеграция превращается, а в каких-то элементах даже вырождается в элитарный проект. Пропасть между верхами и низами углубляется. Сказка – что европейская интеграция всегда была элитарным проектом. Неправда. Она была близка массам. Она зажигала. Они ее поддерживали. Они чувствовали, как жизнь меняется к лучшему. Они принимали непосредственное участие в осуществлении проекта. Не только голосуя за проевропейские партии. Не только активно осваивая транснациональное пространство, меняя свой образ жизни, свои привычки и предпочтения. Они всегда имели возможность через механизмы интеграции, процедуры защиты и продвижения своих интересов заставлять национальные правительства, национальную бюрократию, национальный государственный аппарат следовать мейнстриму. Они могли заставлять национальную администрацию применять не свое, а наднациональное право, поскольку оно обслуживало их интересы.

Сейчас общим местом для политиков стало утверждение о том, что массы, якобы, не понимают, что интеграция – это хорошо. Что они не видят и не ценят, как много интеграция им дает. Что, мол, надо снова приниматься за разъяснительную работу и втолковывать заблуждающемуся населению, что только совместными усилиями можно построить светлое будущее и только на том фундаменте, который уже заложен, благодаря тем успехам, которых удалось добиться.

«Чушь! — выкрикивали, реагируя на эти утверждения, всегда спокойные и уравновешенные европейские эксперты из зала и с трибуны. – Народ все видит. Все понимает. Все оценивает правильно. Европейская идея захлебнулась. Черствым хлебом вчерашних успехов не накормить сегодняшних безработных. Витийством о благе интеграции не замазать того, как больно кризис в ЕС ударил по обычному среднему человеку. Все видят, что ЕС скроен таким образом, что одним – все, а другим – ничего. Что одни жируют, а другие страдают». Вывод: некрасиво, нечистоплотно, непорядочно сваливать вину за волну популизма и наступление крайне правых на народ. Пенять ему, что он не ценит и не понимает. Сделайте так, чтобы он снова почувствовал выгоды интеграции, и долгожданный перелом в настроениях электората сразу наступит.

И еще – долго пичкать народ, образованный, знающий, разбирающийся, лишь прошлыми свершениями не получится. Демократия должна отстаивать себя, доказывать свои преимущества на каждом шагу, на каждом витке истории. Пока что очевидно, что в ЕС произошла «китаезация» экономики. У народа, трудящихся, профсоюзов отобрали многое из того, что ими было ранее завоевано. И с правами, и с правовым государством здесь, в Европе, далеко не так здорово, как по инерции обещает мощнейший пропагандистский аппарат западного общества. Позорная разница между мечтами о процветающем обществе и

реальностью – вот та питательная среда, благодаря которой набирают силу популизм и протестное движение[16]. Именно она превращает европейскую интеграцию в элитарный проект, противопоставляет его якобы заблуждающемуся и слепому населению.

Проблема №10. Все последнее развитие ЕС, начиная с большого скачка расширения в 2005 г., противоречит его собственным идеологическим установкам, согласно которым интеграционное объединение, прежде всего и главным образом, базируется на ценностях. Пренебрегая реальностью, пропагандистская машина западного общества продолжает ставить ЕС в пример всему миру. Однако этот пример далеко не тот, что был раньше. Говорить о том, что он померк, было бы преувеличением. Но не видеть, что темных пятен уже ничуть не меньше, чем светлых, просто нельзя. Не получается. Тем более что крайне правые лозунги так легко и органично подхватываются социумом.

В среде европейского экспертного сообщества не осталось никого, кто оспаривал бы, что решение о скачкообразном расширении, в результате которого ЕС присоединил к себе огромную часть бывшего социалистического лагеря, было поспешным и сугубо политизированным. Уже тогда, вместо того, чтобы заняться поисками путей совершенствования глобальных механизмов развития, углублением интеграции, модернизацией социально-экономической модели, старые члены ЕС, политическая элита континента сделали ставку на прямо противоположное. Они бросили европейские народы в омут безудержного потребления, за которое приходится расплачиваться нынешнему и последующим поколениям.

Одновременно они постарались добиться конкурентоспособности лишь за счет политического захвата новых рынков, присвоения недооцененных активов стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и стран Балтии. И снижения издержек производства и предоставления услуг за счет дешевой высокообразованной рабочей силы этих стран. Результат, как показала глубина экономического кризиса, поразившего ЕС, оказался весьма отличным от ожидаемого.

Но наиболее показательны примеры с Болгарией, Румынией, Венгрией и Кипром. В чем состоял смысл присоединения Кипра к ЕС? В том, чтобы, когда придет время, разорить некогда благословенный остров? Сломать его экономику? Превратить в пасынка Европы? А в чем смысл политики беззастенчивой критики Болгарии и Румынии за нарушение взятых обязательств, коррупцию, экономическую отсталость? Зачем было приглашать их в ЕС, а потом никуда не пускать?

С Венгрией, похоже, Брюссель вообще опозорился. Националистическое правительство Виктора Орбана, которое пытается хоть чуть-чуть ослабить финансовую удавку ЕС на шее своей страны, как только не поносят. Объявляют авторитарным, предающим идеалы ЕС, попирающим демократические принципы[17]. Против него и такие санкции пытались ввести и другие. Безуспешно. Теперь вынашиваются планы создания внутри ЕС эффективного репрессивного механизма против тех, кто отступает от высоких идеалов.

Однако идеалы-то с душком. О каких идеалах можно говорить, когда элементарные социальные права населения попираются на каждом шагу, когда под угрозой увольнений синих и белых воротничков заставляют соглашаться на кабальные условия коллективных договоров. Когда ненависть к «понаехавшим» переполняет сердца, и во всех бедах, спровоцированных топорным,

безжалостным проведением политики жесткой экономии, начинают винить трудовых мигрантов. Причем не только захлестывающих территорию ЕС с Юга, но и даже внутри ЕС. Ненависть к мигрантам, исламофобия, выдворение цыган, погромы, шествия неофашистов – это что, те самые высокие ценности, на которых строится ЕС? Не говоря уже о тотальной слежке, вмешательстве в личную жизнь, контроле над общественной деятельностью, искоренении инакомыслия. Что-то в «Датском королевстве» явно не так.

Не работает восхваление заслуг ЕС и в том, что касается солидарности и единения. Вместо того чтобы привести к выравниванию уровней экономического развития, экономическая политика ЕС привела к институционализации экономического неравенства между отдельными странами. В одни люди устремляются в поисках лучшей доли, из других уезжают. В одних – денег залейся. Кредиты дешевые. На любые стартапы можно найти финансирование. Доступ к нему облегчен. В других мелкие и средние предприятия умирают одни за другими из-за того, что к кредитам не прорваться[18]. И в целом ЕС вместо консолидации единого экономического, социального, правового пространства все дальше уходит по пути разноскоростного развития и объединений разной геометрической конфигурации. Есть еврозона и все остальные. Есть Шенген и открещивающиеся от него страны, а также те, которые пока считаются недостойными его, и т.д.

Проблема №11. Непонятно, считает западное экспертное сообщество, насколько адекватными являются меры по укреплению интеграционного объединения, разработанные институтами ЕС. Еще одним общим местом стали сейчас утверждения о том, что странам ЕС нужно как можно быстрее завершить создание банковского союза, включить общий механизм надзора за банковской и финансовой системой, договориться об общих критериях спасения или же, напротив, ликвидации проблемных банков. Всячески расхваливаются уже предпринятые усилия, связанные с передачей Европейской Комиссии контроля над национальными бюджетами. Однако все они вызывают неприятие евроскептиков.

Сторонники альтернативного развития ЕС утверждают, что сделанное и намеченное в одинаковой степени бьют мимо цели. Они не в состоянии исправить положение радикальным образом. Более того, они ведут к размыванию национального государства, ослаблению государственного механизма управления обществом, утрате способности учитывать национальную специфику в процессе экономического и социального развития региона. Суть критики – все, что делается, неспособно радикально поднять эффективность ЕС как общего механизма управления экономикой всего региона.

Основным инструментом управления и сейчас, и в будущем остается национальное государство. Но в результате преобразований именно его лишают всех тех орудий, которыми оно ранее располагало для того, чтобы быстро и внятно реагировать на меняющийся экономический контекст, заниматься перераспределением благ, корректировать галс экономического развития и пр. Общая экономическая политика возможна и целесообразна только при выравнивании уровней экономического развития и синхронизации циклов, в соответствии с которыми она осуществляется. До этого очень и очень далеко. Значит, выход на те подходы, которые так настойчиво внедряются ЕС, ведет лишь к подчинению слабых более сильным и навязыванию правил игры, которые выгодны одним и заведомо невыгодны другим.

Проблема №12. В качестве системного выхода из сложившегося положения предлагаются два

принципиально разных, не стыкующихся между собою рецепта и куча их разновидностей. Разберем их в самых общих чертах. Первый рецепт – форсированная федерализация ЕС. Недавно он был озвучен и вполне обстоятельно обоснован бывшим председателем Европейского центрального банка. На ежегодной конференции Жана Моне в его пользу прозвучали сильные, хорошо аргументированные доводы. Лейтмотив всех выступлений – федерализация является естественным продолжением и завершением процесса интеграции. Его высшей формой.

Федерализация открывает путь к созданию подлинного политического союза, без которого экономическое сближение, построение общего и единого рынка, валютный, экономический, бюджетный, фискальный, банковский союз все равно остаются слабыми. Однобокими. Неполными. Лишенными необходимой политической базы. С возникновением федерации так необходимый ЕС гранитный цоколь, наконец, появится.

Федерализация нужна и для придания евро характера общей валюты в полном смысле этого термина. Чтобы евро не нужно было спасать. Прекратились разговоры о развале еврозоны. Не повторялось ничего похожего на оказание разорительной «дружеской» помощи Кипру. Разговоры об общей ответственности, общих долгах, общем обеспечении евро были бы подкреплены делами. Только полное объединение суверенитетов, а не частичное, как ныне, делает общую валюту действительно общей.

Федерализация нужна и для победы коммунитарного метода принятия решений. С его помощью удалось запустить европейскую интеграцию. Превратить ЕС из стандартной, мало что значащей международной организации в интеграционное объединение нового типа. Создать независимый правовой порядок. Добиться всего важного. Существенного. Позитивного. Перейти от интеграции в отдельных сферах промышленности к всеобъемлющей экономической интеграции, а затем и к интеграции в широком смысле слова – интеграции по всем азимутам.

Однако в последние годы государства-члены осуществили национализацию коммунитарного метода и вновь вернулись в ряде принципиально важных областей к осуществлению сотрудничества межправительственными способами. Еврозона работает в межправительственном ключе. За закрытыми дверями. В духе средневекового византизма. Что за ними происходит, никто не знает. Иногда даже не догадывается. Парламенты отстранены. Контроля никакого. Соответственно и никакой демократии. Никакой солидарности. Никакого постмодернизма, изобретение которого ЕС ставит себе в заслугу. С Европейским центральным банком та же история.

О том, как работает ЕЦБ, какие позиции в нем отстаиваются и прорабатываются, чего от него можно ждать – обо всем этом остается только гадать. Вот все европейское бизнес сообщество дружно и гадают, вместо того, чтобы спокойно выстраивать долгосрочную стратегию своей деятельности. Федерализация позволит восстановить значение коммунитарного метода. Вновь подчинит ему все сферы функционирования ЕС и всего интеграционного объединения.

И речь не только о внутренней политике. Окружающий мир меняется. Стремительно. Радикально. Возврат в прошлое невозможен. Уповать на это бессмысленно. ЕС необходимо говорить, в конце концов, одним голосом. Разногласица, как в отношении Ирака, Ливии,

Сирии, Ирана, чего угодно, уже не просто смешна, она непозволительна. Федерализация ЕС поможет изменить ситуацию к лучшему и в этом отношении. Тогда мировые проблемы, будь то борьба с изменением климата или урегулирование самых опасных международных конфликтов, вновь станут решаться с участием ЕС. Тяжеловесы ЕС перестанут казаться второразрядными крупными державами. ЕС никто больше не осмелится ставить перед свершившимся фактом, как это только что сделали США и Российская Федерация, хладнокровно отстранив Францию и другие влиятельные страны ЕС от урегулирования в Сирии. Никто ничего не будет больше делать за спиной Брюсселя.

Аргументы серьезные, признают оппоненты. Сильные. От них не отмахнуться. С самых первых лет осуществления интеграционного проекта и до настоящего времени ЕС в какой-то степени, как кажется, движется по пути федерализации, по пути отказа национального государства от своих суверенных прерогатив и их делегирования на наднациональный уровень. В Лиссабонском договоре использована классическая федеративная формула распределения полномочий, согласно которой у государств-членов остаются все те права, которые они не передали на более высокий уровень.

Вместе с тем, есть и целый ряд «но». Их никто не отменял. Понятийный аппарат, раскрывающий термин «федерализация», запутывает дело. Интеграция лишь в некоторых аспектах похожа на федерализацию. Не больше. Во всех остальных это принципиально иной процесс. Его суть состоит не в отказе от суверенитета, а в объединении суверенитетов. Самое главное – на него ни государства-члены, ни политические элиты, ни европейские народы не пойдут. Ни за какие коврижки. Это, как считает внушительная часть экспертного сообщества стран ЕС, не говоря уже о растущей армии евроскептиков, – тупиковый вариант.

Проблема №13. Конкурирующий вариант – дифференцированная интеграция. Его сторонники утверждают, что ЕС уже давно идет по этому пути. Но стихийно. Хаотично. Бестолково. Надо оседлать волну. Понять, в чем суть определяющего тренда развития ЕС, носящего объективный характер, затем умело, целенаправленно, осознанно руководить процессом.

Символ дифференцированного развития ЕС – еврозона. В ее рамках интеграция на порядок более тесная и продвинутая. В последние годы еврозона дрейфует в сторону фискально-бюджетного союза. Но движение осуществляется с некоторыми изъятиями. Его обеспечивают нормы вторичного права такие, как регламенты и директивы, и межправительственные соглашения, а не первичного. Беда, однако, даже не столько в этом. Хуже другое. Понятия и обязательства расплывчаты. Что государства условились сделать вместе, не очень понятно. Как следствие Суд ЕС не может поддержать применение санкций. Из общего режима на практике все время делаются исключения. То в отношении Германии, хотя еще до выборов она превысила допустимые показатели, которые государства-члены договорились соблюдать, дабы не допускать слишком уж большие дисбалансы в рамках общего рынка[19]. В ноябре против него восстали Испания и Италия, лидеры которых заявили, что не дадут затоптать робкие ростки экономического оздоровления[20].

Кризис привел к появлению двух Европейских Союзов. Но он повлек за собой совсем не ту дифференциацию стран ЕС, на которую делалась ставка. Они сгруппировались вовсе не по принципу принадлежности к еврозоне или отказа от вхождения в нее. Страны ЕС распались на две совершенно другие категории: на бедных и богатых, проблемных и преуспевающих. Таким

образом, дифференцированная интеграция идет сама собой. Она пробивает себе дорогу, хочет этого кто-либо в ЕС или нет. Но идет уродливо. И не в ту сторону, в которую руководство ЕС рассчитывает. Тем более, ее надо взять под контроль и поставить себе на службу.

Антитеза дифференцированной интеграции – попытка стричь всех под одну гребенку. Она бессмысленна и не нужна, хотя некоторые идеологи интеграции и многочисленные политики ее по-прежнему превозносят. Государствам должна быть предоставлена свобода выбора. Чтобы имелся набор интеграционных проектов, из которых можно было бы брать нужное. Тогда государства-члены не были бы вынуждены из кожи вон лезть, дабы соответствовать требованиям, которые им заведомо не по плечу, не по карману, плюс ко всему прочему еще и не нужны. В отношении же всего набора проектов, как и любого из них, должно действовать железное правило. Суть правила – нахождение разумного баланса между эффективностью и солидарностью.

Итак, дифференцированная интеграция – безусловная реальность современного ЕС. Ее наиболее ярким проявлением является размежевание ЕС на богатый Север, диктующий условия, и проблемный Юг, вынужденный их принимать. Еще одним – нескончаемая перепалка по поводу роли Германии в ЕС. Очередным ее витком стал запуск расследования о слишком большом положительном сальдо текущих операций в нарушение предписаний ЕС. Коли так, дифференцированную интеграцию надо узаконить и институализировать. Индивидуализированное отношение к каждому члену ЕС без исключения – сделать нормой.

Наряду со многими другими, безусловным преимуществом дифференцированной интеграции является то, что она выбивает оружие из рук евроскептиков. Никто никого не держит. Не хотите в чем-то участвовать – ради Бога, не участвуйте. Все в ваших руках. Вы сами делаете выбор. Только сделав его, не мешайте другим, которые хотят.

Дифференцированная интеграция также очень облегчает выработку стратегии. Ведь появление любых новых областей и направлений интеграции превращается в своего рода лабораторию. В ней обкатываются первые наработки. Ведется поиск оптимальных подходов. Накапливается позитивный и негативный опыт. Новые области и направления интеграции оказываются востребованными – отлично. Сомневающиеся государства получают возможность удостовериться в том, что задуманное полезно и перспективно. Никого никуда затаскивать не надо. Они сами увидят, что это им выгодно.

Дифференцированная интеграция – сугубо прагматичный, работающий вариант. Он больше соответствует правде жизни. В принципе многоскоростная Европа и возможность продвинутых интеграционных проектов разной геометрии заложена в учредительных договорах ЕС. Однако у любых прагматичных рецептов, возражают приверженцы идей федерализации Европы, общий недостаток – они слишком принижены. Заземлены. Недостаточно амбициозны. Их трудно продавать избирателю. Кроме того, они появляются не от хорошей жизни. Они, в какой-то степени, признание того, что иначе не получается.

Проблема №14. Общая внешняя политика ЕС подвергается экспертным сообществом ЕС особенно нелюбезной критике. По его мнению, она отягощена представлениями прошлого. Основательно застряла в нем. Мало что дает как самому ЕС, так и его государствам-членам. Столь же нереалистична, как и внутренняя политика ЕС. Не учитывает ни

относительного ослабления ЕС, ни происходящих в мире перемен, ни того, что мессианство, взятое на себя ЕС, в области продвижения демократии, прав человека и правового государства, выглядит все более сомнительно. Внешнюю политику ЕС нужно пересматривать. Причем самым радикальным образом.

Когда российские специалисты встречаются со своими западными коллегами, убедить их настроиться на серьезное обсуждение зачастую оказывается крайне сложным. На это уходит большая часть времени, ведем ли мы речь о публичных конференциях и семинарах или закрытых консультациях. Наши партнеры насмерть стоят, пытаясь доказать очевидно нелепые вещи: будто только в ЕС все хорошо и правильно; все остальные моментально добьются стабильности и процветания, если будут следовать его наставлениям; для этого они должны отказаться от проводимой ими политики, поменять свои политические режимы или людей во власти. Только убедившись в том, что это пустая трата времени, что факты, которыми мы располагаем, безоговорочно опровергают близкие их сердцу клише, наши визави сдаются и начинают говорить дело. То есть признают, что все в мире до наоборот, и менять проводимую политику надо как раз ЕС, а не всем остальным[21].

Достоинство дискуссии на ежегодной конференции Жана Моне заключалось в том, что признание неблагополучия ЕС и несостоятельности избранного и проводимого ЕС политического курса было сделано отправной точкой размышлений. Иногда чуть четче, иногда завуалировано и на пленарке и, правда, гораздо чаще, в кулуарах звучали такие мотивы.

Пока еще граждане ЕС составляют 7% от числа тех, кто живет на нашей планете. Но их доля в народонаселении мира стремительно падает. В обозримом будущем она опустится ниже уровня в 5%. Надо быть реалистами. С новыми гигантами не только в Азии, но и Африке, и Латинской Америке странам ЕС будет все сложнее конкурировать. Поэтому надо выстраивать со всеми равные, равноправные отношения. Нужно переходить к политике сотворчества в формировании нового мирового порядка, нового типа международных отношений, которые сейчас развиваются хаотичным образом и непонятно, в каком направлении.

ЕС по-прежнему является одной из крупнейших и наиболее передовых экономик мира. Однако на протяжении двух последних десятилетий ее доля в мировом ВВП неизменно снижается. Особенно чувствительные потери ЕС потерпел в результате глобального кризиса и кризиса суверенной задолженности. В будущем значение Европы в качестве мирового экономического центра будет только снижаться. Она уже начала скользить по наклонной плоскости. Долгожданный выход из рецессии затягивается[22]. В дальнейшем ее дрейф на периферию мировой экономики исключить нельзя. Поэтому надо быть реалистами. Нужно переориентировать политику. «По одежке протягивать ножки». Перестать всех поучать. Всем тыкать свиньей в нос. Начать самим учиться. Внимательнее относиться к интересам, чаяниям и потребностям других. Заняться налаживанием равных равноправных связей. Со всеми. В первую очередь, со странами БРИКС, значение которого лидеры ЕС пока еще откровенно недооценивают.

За годы кризиса руководство ЕС и государств-членов наделало слишком много труднопоправимых ошибок. Грубо и неумело проводившейся политикой жесткой экономии оно обрекло ЕС на многие годы экономической стагнации и низкие темпы роста. Безработица, массовое банкротство малых и средних предприятий, скукоживание внутреннего рынка,

дисбалансы и диспропорции, негативные процессы в банковской и финансовой сфере[23] тяжелыми гирями будут висеть на есовской экономике. Некоторые комментаторы даже стали пробрасывать мысль о том, что Германия и ЕС в целом превратились в «паразитов» мировой экономики[24]. Тем более важно как можно быстрее пересмотреть свои взгляды на окружающий мир. Оценить происходящее максимально критически и заняться приведением своей политики в соответствие с реальностью.

Не стоит забывать также, что население ЕС стремительно стареет. Доля активного населения падает. Забота о престарелых с годами будет отнимать все больше ресурсов, времени и сил. Непроизводительные расходы увеличатся. Современное государство и сейчас еле-еле справляется со своими обязанностями. От многих элементов общества всеобщего благоденствия странам ЕС, увы, приходится отказываться. Государство более неспособно выдерживать все наваливающиеся на него социальные обременения. В будущем будет только хуже. Это та реальность, которую ЕС не может не учитывать. Пока он закрывает на нее глаза. Продолжает пыжиться. Пытается все всем навязывать. Продолжает проводить пагубную политику односторонних действий. С этим пора кончать. Ему нужна совершенно другая политика. На порядок более прагматичная и конструктивная.

Шаг за шагом европейская идентичность народов, объединившихся в ЕС, размывается. Абсорбционные возможности ЕС давно превышены. Мультикультурная политика, приверженность которой прокламировалась ранее, провалилась. ЕС остро нуждается в трудовых мигрантах. В то же время он не способен переварить миграционный поток. Миграционные волны его захлестывают. Отсюда ксенофобия и нетерпимость. Взрыв популизма. Рост симпатий к крайне правым лозунгам. Уже к середине нынешнего века христианская религия в Европе перестанет быть доминирующей. Другие этнические группы будут все успешнее конкурировать с некогда местным населением. Игнорировать это не получается. Гораздо честнее и лучше уже сейчас в проводимой политике сделать поправку на меняющуюся реальность.

Аргументов в пользу качественно другой внешней политики, по сравнению с осуществляемой ныне, приводилось еще немало. Общий вывод: она тоже должна быть подчинена определенной стратегии, которой пока у Брюсселя нет. Важнейший элемент такой стратегии – перестройка отношений с Российской Федерацией. Различными странами и политическими лидерами выдвигались очень интересные, перспективные концепции сотрудничества с Россией. Речь шла о формировании общего пространства от Атлантики до Тихого океана. Все эти концепции сейчас становятся востребованными. Выбор в пользу любой из них мог бы помочь обустроить континент на принципиально новой основе. Окончательно закопать «топор войны», доставшийся в наследие от конфронтационного прошлого. Отказаться от оскорбительной риторики «холодного мира». Превратить нашу большую Европу на деле, а не на словах, в оплот мира, стабильности и процветания.

Сравните то, чем изо дня в день переполнены страницы западных газет и журналов, с живыми голосами участников ежегодной конференции Жана Моне. Как говорится, комментарии излишни.

[1] Из наиболее нейтральных см., в том числе, Un premier succes diplomatique avant les choses serieuses // Le Monde, 26 novembre 2013. – P. 1; Yves-Michel Riols. Six mois du treve pour sortir de la crise iranienne // Le Monde, 26 novembre 2013. – P. 2; Geoff Dyer, Hugh Carnegy. Elaborate diplomatic needed to break 36 years of comity // Financial Times, November 26, 2013. – P.2.

[2] Из наиболее нейтральных см., в том числе, Sylvie Kauffmann. La bataille de Kiev // Le Monde, 26 novembre 2013. – P. 20; Mark Landler. Iran deal offers new potential for Obama in the Middle East // International New York Times, November 26, 2013. – P.1, 4; Roman Olearchyk, Peter Spiegel. Putin move scuppers EU deal on Ukraine // Financial Times, November 22, 2013. – P.1; Kathrin Hille, Peter Spiegel. EU blames Putin for Ukraine about-return // Financial Times, November 22, 2013. – P. 2; Roman Olearchyk, James Fontanella-Khan. Protesters criticise Ukraine’s inaction // Financial Times, November 26, 2013. – P. 4; David M. Herszenhorn. Russia puts on squeeze as neighbors look to West. Ex-republics, including Moldova, feel pressure in battle over influence // International New York Times, October 23, 2013. – P. 1; Europe: le defi Poutine // Le Monde, 18 octobre 2013.

[3] Andrew Higgins. Europe’s Tea Party moment // International New York Times, November 9-10, 2013. – P. 1, 4.

[4] Raphael Minder. Outsider’s victory in Portugal reflects Continent’s discontent // International New York Times, November 8, 2013. – P. 1, 4.

[5] Sarah O’Connor. Graduate data reveal England’s lost generation // Financial Times. November 19, 2013. – P. 1; Sarah O’Connor. UK graduates in scramble for jobs as demand exceeds supply // Financial Times, November 19, 2013. – P. 4.

[6] Так, премьер-министр Италии дал по этому поводу уже сотни интервью. В частности см. Enrico Letta: “Avec des reformes on peut vaincre le populisme” // Le Monde, 3-4 novembre 2013. – P. 4.

[7] Nikos Konstandaras. Can the Greek center hold? // International New York Times, November 12, 2013. – P. 6.

[8] Peter Spiegel. Eurozone growth revision raises fears // Financial Times, November 6, 2013. – P. 4; Wolfgang Munchau. Worry about the euro, not the European Union // Financial Times, November 4, 2013. – P. 9; Marie Charrel. La crise des dettes publiques n’est pas termine // Le Monde , Eco&Entreprise, 9 novembre 2013. – P. 2; Anne Eveno. Le ras-le0bol fiscal vaut a la France d’etre degrade // Le Monde, Eco&Entreprise, 9 novembre 2013. – P. 3.

[9] Paul Krugman. The plot against France // International New York Times, November 12, 2013. – P. 7.

[10] Tobias Buck. Austerity fuels Spanish irritation with Germany // Financial Times, June 24, 2013. – P. 3; Joshua Chaffin. Berlin’s dominant role raises hackles, poll says // Financial Times, June 24, 2013. – P. 3.

- [11] Le chômage, éternelle cause nationale // Le Monde, Eco&Entreprise, 26 novembre 2013. - P. 1; подробнее см. Anne Rodier, Adrien de Tricornot. Emploi sans la croissance // Le Monde, Eco&Entreprise, 26 novembre 2013. - P. 8-9.
- [12] It is time to shore up Europe's banks // Financial Times, October 7, 2013. - 10; Danny Hakim. Euro tests Continent's resolve for more unity. Divisions over currency spell poisonous dynamic between rich and poor // International New York Times, November 12, 2013. - P. 1.
- [13] Hugo Dixon. Less cutting, more reform for Greece // International New York Times, November 11, 2013. - P. 19.
- [14] Frans Timmermans. Monnet's Europe needs reform to fit the 21st century // Financial Times, November 15, 2013.
- [15] Цитируется по Paul Taylor. A Continent in need of a new dream // International New York Times, November 26, 2013. - P. 20.
- [16] Повсюду в мире, не только в ЕС - Chrystia Freeland. Plutocrats vs. populists // International New York Times, November 2-3, 2013. - P. 8.
- [17] Piotr Smolar. La fin de l'Etat-providence en Europe selon M. Orban // Le Monde, Geopolitique, 7 novembre 2013. - P. 1.
- [18] Isabelle Chaperon. Ces fonds specialises dans la reprise d'entreprises au bord du gouffre // Le Monde, Eco&Entreprise, 14 novembre 2013. - P. 4.
- [19] Jack Ewing, Alison Smale, James Kanter. For Germany, big surplus and lots of critics // International New York Times, November 14, 2013. - P. 16.
- [20] James Kanter. Spain and Italy reject E.U. warnings. Tension spills into open at calls for more austerity in 2014 budget plans // International New York Times, November 23-24, 2013. - P. 14.
- [21] Jack Ewing. Euro zone takes a step backward // International New York Times, November 22, 2013. - P. 14.
- [22] По такому сценарию прошла, например, международная конференция «The Attitude and Contribution of the European Union and its Member States to the Development of the EU-Russia Relations», 8-9 November 2013, Luxembourg, организованная совместно Фондом «Русский мир», Представительством Европейской Комиссии в Великом Герцогстве и Люксембургским институтом европейских и международных исследований.
- [23] Day of reckoning as banks' bill for misconduct mounts // Financial Times, October 30, 2013. - P. 1.
- [24] James Mackintosh. German ire over US winning currency wars // Financial Times, November 2-3, 2013. - P. 22; Martin Wolf. Germany is a weight on the world // Financial Times, November 6, 2013. - P. 9.

